

crime & private

Анна
Данилова

Дама из Амстердама



Анна Данилова

Дама из Амстердама

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183811

Дама из Амстердама. Игры с темным прошлым: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-15680-1

Аннотация

Лара, вернувшись с курорта, где она приходила в себя после развода с мужем, обнаруживает дома постороннего человека. Незнакомец дьявольски красив, и очарованная хозяйка отказывается от мысли вызвать милицию. Она знакомится с «гостем» и выясняет следующее: в квартиру его поселила, взяв предоплату и сразу исчезнув, какая-то тетка. Плененная харизматичной внешностью мужчины, Лара разрешает красавчику остаться. Убирая чемоданы на антресоль, женщина находит чужую дамскую сумку со следами крови. Через день обнаруживает еще одну...

Содержание

1	5
2	9
3	18
4	25
5	36
6	41
7	49
8	53
9	65
10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анна Данилова Дама из Амстердама

Дорогой писатель Митрес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое вечное в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

1

Если бы она знала, что ее уже к вечеру не станет, стала бы она с самого утра тщательно готовиться к тому свиданию? Стала бы укладывать в просторную красную сумку вместе с бухгалтерскими документами еще и свежевыглаженную простыню и привезенную (выкраденную, иначе не назовешь) из итальянского отеля коробочку с розовым мылом и пачку презервативов?

Ее звали Оксана. Ей было двадцать восемь лет. Она была разведена и встречалась со своим пожилым и очень респектабельным любовником на Пушечной улице, за Кузнецким Мостом. Они редко ходили в рестораны и старались вообще не появляться вместе в людных местах. Ее мужчина был женат, у него были смуглое полноватое тело, покрытое густой темной шерстью, спокойные карие глаза и круглая лысина, обрамленная благородной сединой. В его жилах текла смесь армянской и украинской крови, и он был необычайно привлекателен.

Утром Оксана приняла душ, позавтракала поджаренным хлебом с ветчиной, выпила большую чашку кофе, собралась и, бросив последний взгляд на окно, за которым она увидела унылое, затянутое серо-фиолетовой тучей ноябрьское небо, вышла из квартиры. На метро она добралась до работы и с нетерпением ждала, когда же замурлыкает особым,

кошачьим, мурлыканьем телефон – так звонил ей только он. Мужчина, который заполнял собой всю ее одинокую женскую жизнь, был дорог ей, Оксане даже казалось, что она любит его. Он должен был позвонить и сказать точное время их встречи. И он позвонил. В три часа. Она в тот день была почему-то нервна, ее раздражали все, кто находился рядом с ней, кто наблюдал такую перемену в ее настроении. И никому бы и в голову не пришло, что она предчувствует свою смерть, но не может осознать это предчувствие. Что ей, ее сущности, запрятанной глубоко от посторонних, очень тяжело расставаться с этой жизнью и что, несмотря на то, что она складывалась у нее тяжело – она рано осталась одна, нелепо развелась и нашла замену своему мужу лишь спустя три года, – все равно, она слишком любила жизнь, чтобы спокойно, без предчувствий, с ней расстаться. В тот день она как-то особенно, с каким-то неистовым наслаждением замечала и ценила ее обычные, казалось бы, проявления: прохладный ноябрьский воздух, сладко пахнувший утренним морозцем, теплый и уютный кабинет с чисто вытертым рано утром уборщицей новым столом, на котором пышно цвели хризантемы... Работа никогда не утомляла ее, она уже привыкла к этим столбцам цифр на экране компьютера, запрятанного в специальную угловую нишу, к постоянному хлопанью дверями, радовалась утреннему, в десять часов, чаю с печеньем и шоколадом и обычным женским разговорам о семейных проблемах, о мужьях и детях, таких капризных, требующих

от женщин особого внимания, но все равно родных, своих... Но это были разговоры о чужих семьях. У Оксаны-то, кроме женатого любовника, никого и не было. Зато была тайна, была съемная маленькая квартира на Пушечной улице, находящаяся как раз возле станции метро, рядом с ее работой. И хотя в этой квартире было все для нее тоже чужим и она никак не могла заставить себя ложиться на чужие простыни (поэтому ей приходилось время от времени приносить свою простыню), все равно ей нравилось бывать там, пить вино из синих хозяйских фужеров, закусывая яблоками или персиками, и, чувствуя приятное утомление и дрожь в ногах, сидеть на коленях своего любовника.

В тот день на ней было красивое кашемировое платье, новое белье, и вообще она чувствовала себя необыкновенно возбужденной, нервной и сама не могла понять, что же с ней происходит. После работы, голодная (она специально не пошла в столовую, чтобы быть перед свиданием легкой, готовой опьянеть уже от первого глотка вина и от первого поцелуя), она помчалась на квартиру, чтобы встретиться с мужчиной, и провела с ним несколько часов. Потом любовник привез ее домой...

Оксану Музрукову обнаружила соседка, возвратившаяся с работы. Она лежала в подъезде, на лестничной площадке, как раз перед дверями своей квартиры, с простреленной гру-

дью. Еще дышала. Но в машине «Скорой помощи» скончалась, так и не придя в сознание. При ней не обнаружили ни сумочки с кошельком (в котором было три тысячи восемьсот пятьдесят рублей и двести долларов), косметикой, ключами и порванными колготками, ни пакета с простыней, которую она собиралась постирать, ни коробки с пирожными и черным виноградом – остатками недавнего пиршества, которые она несла домой, ничего... Пальто ее было распахнуто, как если бы она успела его расстегнуть уже перед тем, как открыть ключами дверь своей квартиры, белое кашемировое платье в области груди напиталось кровью...

Никто из соседей выстрела не слышал, из чего можно предположить, что пистолет, которым застрелили девушку, был с глушителем. Кто-то сказал, что ее убил любовник, невысокий господин в темно-синем пальто, с которым она встречалась вот уже три месяца и который иногда приезжал к ней на белой нарядной французской машине... *«Рено» или «Пежо», не помню...»*

2

Лариса Стрешнева возвращалась из спокойного, нежаркого лета, каким был ноябрь в Турции, в Мармарисе, в холодную промозглую Москву с чувством глубокого сожаления. Нет, она все-таки ненормальный человек, совершенно не умеет отдыхать, вместо того, чтобы из Мармариса отправиться в Измир или Демре-Миру, где можно сквозь прозрачную морскую воду полюбоваться на затопленный каменный город или просто со вкусом побездельничать, валяясь на пустынном в это время года пляже, или же перенестись по воздуху в Египет, в Шарм-эль-Шейх, она возвращается домой. Ее не ждала никакая работа – после того, как ее муж объявил ей о своем уходе, она сразу же уволилась с работы и заперлась дома, чтобы никого не видеть, никого не слышать и не отвечать на дежурные ахи и вздохи знакомых. Ну, ушел и ушел. Что дальше? А дальше надо было как-то жить. Как-то просыпаться и встречать новый день, умываться, что-то есть, слушать хорошую музыку, смотреть хорошие фильмы и читать хорошие книги. Жизнь не могла заключаться в человеке, который никогда не любил ее и женился из жалости или из привычки видеть рядом с собой ее, Ларису, некрасивую, в общем-то, женщину, с рыжими от природы волосами и, что самое ужасное, с немного искривленным носом. Он говорил ей, что этот чудесный, слегка смещенный утиный носик при-

дает ее внешности шарм и она настолько оригинальна, что ему нравится появляться с ней на людях, словом, нес всякую чушь, лишь бы успокоить ее, внушить ей мысль, что он любит ее и с таким носом. А сколько раз он целовал ее нос, постепенно опускаясь к губам, а оттуда к шее, груди, животу... Может, он и любил ее когда-то, но свою одноклассницу все равно любил больше, раз ушел к ней. И вообще уехал в Петербург.

Нос. Она давно хотела сделать пластическую операцию, но страшно боялась. Зато теперь осталась совершенно одна. С носом... И дома ее никто не ждет.

Муж откупился от нее квартирой, двухъярусной, ничего, что почти пустой, с минимальным набором мебели, но зато устланной коврами. Такой тихий, спокойный муж по имени Кирилл оказался талантливым финансистом, а потому и разбогател, как считала Лариса, необычайно легко и быстро и как будто усилий больших к этому не прикладывал. Вот что значит хорошие, способные на жертвы родители, престижный финансовый вуз и, главное, гены...

Он уехал в Питер, к своей пассии, летом, но уже в октябре Лариса узнала, что он от нее сбежал, чуть ли не в прямом смысле слова, поселился в какой-то съемной квартире на Мойке и открыл в этом благословенном городе филиал своей московской фирмы. Словом, Кирилл окунулся в работу и теперь тоже зализывал свои раны. Он как-то позвонил ей и быстро, неловко попросился обратно, но Лари-

са, услышав его голос, тотчас бросила трубку. «Умерла так умерла», – сказала она, обращаясь к своей ухоженной, разросшейся дивно пальме. Она не могла позволить себе пережить заново стресс. И, понимая, что Кирилл жив и здоров, а также одинок и потому может в любой момент вернуться в Москву, чтобы попытаться вымолить у нее прощения, сорвалась с места и улетела в Мармарис...

Машину, старенький «БМВ», она водила неважно, боялась встречного движения, шарахалась от сверкающих новых иномарок, прикидывая всякий раз в уме, сколько ей будет стоить одно неверное движение руки, ноги... Но все равно ездила, нервничала, переживала, но продвигалась в потоке машин, втайне радуясь тому, что она хотя бы надежно защищена от ветра, холода и дождя в теплом и заполненном приятной музыкой салоне и что рано или поздно научится водить более уверенно. Старый, намеренно грязный «бумер», который она оставила на свой страх и риск неподалеку от аэропорта Шереметьево, благополучно дождался ее возвращения, и вот теперь на нем она ехала домой. Чувствовала ли она себя отдохнувшей? Пожалуй, да. Главное, думала она, оставив за плечами две недели отчаянного отдыха и безделья, не напороться на Кирилла, не застать его случайно в их, теперь, правда, *ее*, квартире. Слава богу, Кирилл успел оформить квартиру на ее имя, а потому она хотя бы в этом плане чувствовала себя в безопасности от его поползнове-

ний.

Кирилл, как заботливый отец, бросивший дочку ради ма- чехи, положил на счет Ларисы десять тысяч долларов, не очень большие деньги, но на первое время ей бы хватило. И вот теперь, когда часть денег была растрочена, она не чув- ствовала в себе силы начинать жизнь заново, искать работу (фирма, где она являлась менеджером по рекламе, благопо- лучно развалилась сразу после того, как Лариса уволилась, надо же, какое стечение обстоятельств!), думать о том, как бы выжить... Правда, знала, что стоит ей лишь набрать но- мер телефона бывшего мужа, как у нее появятся и деньги, и все, что ей захочется, такой был этот Кирилл, заботливый и ответственный (вот только взял да и бросил ее ради какой-то там одноклассницы или однокурсницы, ей это было неинте- ресно, стервы, чего уж там!), она хотя бы в этом не прогада- ла, выходя за него замуж.

Лариса заметно нервничала, у нее даже руки дрожали, ко- гда она заруливала к своему подъезду. Чуть не столкнулась с еще одним «бумером», только новеньким, сверкающим, вы- ползшим ей навстречу из арки. Подумала даже, что это Ки- рилл, он постоянно менял машины, но за рулем она разгля- дела вместо белобрысого и худого Кирилла упитанного гос- подина в очках и с сигаретой во рту. А Кирилл не курил. Сразу от сердца отлегло.

Она поставила машину на свое место, под ивой, как раз напротив подъезда, поднялась к себе и, перекрестившись,

открыла дверь. Раз замок, два замок... Она тщательно заперла квартиру, отправляясь на курорт. А как же иначе?

И все равно ее колотило. Быть может, от холода? Ведь на ней была тоненькая курточка, джинсы... Все тонкое, легкое, такое, в чем удобно путешествовать.

На пороге она остановилась. Запах. Чужой запах в ее квартире. Кирилл? Он все же вернулся. Не позвонив, не предупредив.

Лара поставила чемоданы и тяжело вздохнула. А ей так хотелось встретить пустую квартиру, тихую и надежную от посягательств кого бы то ни было... Она еще в самолете размечталась о горячей ванне, приятной душистой пенной головомойке, видела себя уже лежащей и блаженствующей с бокалом вина в руке... На бокале с темно-бордовым пьянящим напитком испарина в виде влажного налета...

Он находился наверху. Она слышала, как постукивают его бессовестные пальцы по клавиатуре – это Кирилл блуждал по Интернету или же подсчитывал миллионы долларов будущих баснословных сделок...

Лариса медленно, обреченной походкой поплелась к лестнице, ведущей на второй этаж квартиры. Запах, чужой запах, замешанный на аромате свежерезанного апельсина и табака, ударил в нос, едва она поднялась на несколько ступеней.

То, что она увидела в комнате, которую они с Кириллом

называли студией, повергло ее в шок, из которого она выйдет еще не скоро...

Спиной к ней за компьютером сидел мужчина. Но не Кирилл. Другой, незнакомый ей мужчина словно играл на клавиатуре, быстро, даже виртуозно... Рядом с ним, с левой стороны на столе, стояла хрустальная пепельница, полная окурков, и дымилась сигаретой... Справа стояло блюдо с разрезанным апельсином. Мужчина вдруг перестал стучать по клавишам, Лариса успела опустить голову, сойти на ступень вниз, прежде чем он, как ей показалось, понял, что в квартире не один. Пауза, длившаяся несколько секунд, для Лары растянулась на минуты. И вот снова раздался стук пальцев по клавишам. Слава богу, он подумал, что ему почудились посторонние звуки.

Лариса сошла на первый этаж, подхватила чемоданы и забилась с ними в кладовку. Ей надо было прийти в себя, чтобы понять, как действовать. Звонить по телефону в милицию? А что, если это друг Кирилла, которого тот решил приютить по какой-нибудь вполне объяснимой причине? Она должна была непременно увидеть его лицо, а так, со спины, что она могла о нем сказать? Что шатен, волосы длинные, плечи широкие, вот, пожалуй, и все. Негусто. Сердце колотилось, когда до нее дошло, что стук снова прекратился. Раздались шаги на лестнице – новый жилец, имени которого она не знала, спускался, ступени скрипели под его тяжелым телом. Вот

он остановился где-то совсем рядом. Лара качнула головой, скользя взглядом по щели, специально оставленной для того, чтобы иметь возможность из кладовой наблюдать за частью пространства на первом этаже. И вот промелькнула тень, затем в кладовку потянуло сигаретным дымом, и она поняла, что незнакомец закурил. Вдруг он остановился прямо перед ней, всего в полуметре от нее, от кладовки под лестницей, где она обмирала при мысли быть замеченной. Она по-прежнему могла видеть лишь его спину, крепкие ягодицы, обтянутые черными потрепанными и мягкими джинсами, часть розовых стоп в плетеных шлепанцах. Струя дыма, и неожиданно поворот головы... У Ларисы перехватило дыхание – этот мужчина с лицом кроткого ангела смотрел прямо на нее... Она понимала, что он не видел ее, он просто задумался о чем-то, но его лицо, совсем близкое, было прекрасным. Ларису бросило в жар, ей стало не по себе, но и пошевелиться, чтобы что-то предпринять, она была не в силах. Кирилл, муж, с которым она жила, с которым спала два года и который никогда не вызывал в ней никакого эстетического чувства, превратился просто в бледную тень, исчез, растаял, вот как эта струя сигаретного дыма... Рядом с ней, всего в нескольких шагах от нее, находился мужчина, ради которого можно было вытерпеть не только духоту тесной кладовки, но и развязать войну и проиграть ее, лишь бы только быть с ним рядом, видеть его, дышать одним с ним воздухом. Такое сильное впечатление на нее не оказывал еще ни один из

виденных ею мужчин. Разве что Ричард Чемберлен?.. Она даже произнесла это имя вслух, словно сравнивая стоящего напротив нее мужчину с известным актером... Быть может, это тоже актер, да только начинающий, или киношники еще не добрались до него, не заметили... А что, если она все еще находится в самолете и видит сон, что вот она прилетела в Шереметьево, села в свой немый «бумер», приехала домой и застала в квартире этого красавца? Да если с ним появиться там, где бывают знакомые Кириллы, то половина Москвы сочтет своим долгом сообщить ее бывшему мужу о том, что «твоя Лариса подцепила такого парня, что закачаешься, ты уж извини, старик, но это так»...

О какой милиции может идти речь? Путь побудет здесь, пусть поживет, вот только как самой объявиться, как предстать перед ним, когда она так замешкалась, так запоздала со своим торжественным выходом? Понятно, что теперь звонить и предстать перед ним в облике грозной хозяйки она уже не сможет. Этот новоиспеченный Чемберлен настолько гармонично вписался в декорации ее огромной современной квартиры, что лишать ее такого украшения она просто не имеет права. Он должен здесь жить. С ней ли, без нее... Вот такие странные мысли зароились в ее утомленной и распаренной в духоте кладовки голове. А потому, как только ее незваный гость, выкурив сигарету, поднялся и снова принялся стучать по клавиатуре, она тихонько выскользнула из кладовки и с чемоданами благополучно, не замеченная, покину-

ла квартиру, села в машину и покатила куда глаза глядят...
Ей надо было прийти в себя и все хорошенько обдумать.

3

Непогода, усталость и голод загнали ее в кондитерскую в Оружейном переулке. Лариса, дрожащая от нервного возбуждения, поставила на поднос пирожные, чашку горячего шоколада и чайник с зеленым чаем. Все это она планировала не спеша съесть и выпить за раздумьями о своей удивительно несчастной жизни. Она забралась в самый угол второго зала и принялась сразу за шоколад, приторный, тягучий и обжигающий. Нежные бисквиты и корзинки с марципанами оставила на десерт. Конечно, можно было позвонить маме и рассказать ей все. Или просто приехать к ней, распаковать чемоданы и сказать, что она пока, временно, не может жить в своей квартире, потому что все в ней напоминает о разрыве с Кириллом, что рана, вызванная его уходом, еще свежа, что никакие «мармарисы» на свете не смогут ее заживить в столь короткий срок. Но мама скажет, чтобы она не дурила и возвращалась к Кириллу, что то, что случилось с ним, иногда случается с мужчинами, и что его следует простить. Простить и забыть его измену, как страшный сон. Потому что с Кириллом ей, Ларисе, будет всегда спокойно и что при всех его недостатках он все равно остается для нее человеком достойным, добрым и любящим. Потом намекнет, конечно, об операции, о том, что следует ей наконец подумать и о своем носе, что она уже не девочка и должна понимать, что совре-

менная пластическая хирургия достигла таких высот, что ей не только выправят кривой от рождения нос, но и придадут ему любую форму. Мама хороший человек, она по-своему любит Лару, но все же они не настолько близки, чтобы дочка призналась ей в том, что, вернувшись из Мармариса, она обнаружила в своей квартире незнакомого мужчину, которого ей не хочется выселять уже потому, что ей как бы даже льстит (!), что у нее, у такой «красавицы» со сдвинутым носом, в квартире поселился такой вот Ричард Чемберлен. Но самое грустное то, что не только мама не поймет ее. Ее не поймет вообще никто из тех, кто ходит по улицам с нормальными носами.

Она облизала ложечку и отодвинула от себя перепачканную шоколадом чашку. Итак. Каким образом в ее квартире мог поселиться этот мужчина? Первый вариант: его привел Кирилл. Он мог узнать, от мамы же, от своей любимой тещи, с которой он остался в прекрасных и доверительных отношениях, что Лариса покинула Москву на месяц и что вернется ближе к Новому году, квартира свободна. Вот и позволил своему приятелю или сотруднику пожить временно в этой квартире. Возможно также, что Ричард Чемберлен поссорился с женой и ушел от нее и чувствительный Кирилл, войдя в его положение, не мог отказать приятелю из чисто мужской солидарности – где еще переждать семейную непогоду, как не на квартире у друга?!

Вариант второй. Соседка, Катя Цыркун, дала ключи, кото-

рые оставила ей Лариса, своему приятелю или даже, что просто невозможно себе представить, *сдала* ее первому встречному-поперечному. Ради денег. И хотя на Катю это не похоже, но в данном случае речь идет о Чемберлене... Катя – ей, как и Ларисе, под тридцать – разведена, время от времени встречается с женатыми мужчинами, а тут вдруг подворачивается такой красавчик, Чемберлен, и просит ее подыскать ему квартиру. Но тогда почему бы ей не сдать свою квартиру, вернее, комнату, ведь у нее их две? Вопрос остается открытым.

Вариант третий...

Мужчина, небритый, со впалыми щеками и взглядом, как у больной собаки, в отличном дорогом шерстяном пальто до пят, забрызганном грязью, и нечищенных ботинках, садится за соседний столик и на глазах у Ларисы принимается за недоеденную булочку, оставленную только что парочкой веселых сытых студентов... Нет, положительно, сегодня не ее день, раз ей приходится видеть, как этот несчастный допивает и еще не успевший остыть кофе... Душераздирающее зрелище. И ведь не похож на бомжа, хотя вид еще тот... Денег нет, другого объяснения быть не может. Бедолага.

Чтобы как-то отвлечься от своих собственных переживаний, она вдруг пересаживается к нему за столик вместе со своими тарелочками-чашечками, переселяется, словно на всю жизнь. *Она еще не знает, что ее судьбоносная встреча с Лукой...*

– Салют. Знаете, я могу одолжить вам немного денег, чтобы вы поужинали. Здесь, помимо кофе и пирожных, можно купить и бутерброды, а неподалеку отсюда есть отличная пиццерия...

Ей вдруг захотелось плакать, глядя на его огромные, прозрачные, цвета морской волны, глаза. Он был такой несчастный со своим идеальным носом, густой, посеребренной и вызолоченной небрежной щетиной и дрожащими руками.

– А знаете, у нас с вами одна масть, – вдруг сказала она, – у вас волосы чуть потемнее, но в детстве вы наверняка были рыжим, как и я, вот и в бороде много рыжего осталось... Что с вами случилось? Вы извините, что вмешиваюсь, но не могу смотреть, как вы допиваете чужой кофе...

Он молча смотрел на нее, а она пыталась понять, доходит ли до него смысл сказанных ею слов, или же он, как и многие блуждающие сегодня по дорогам России оборванные и несчастные люди, потерял память?

– Вы ничего не помните? Вы потерялись?

Ей вдруг захотелось, чтобы он потерялся, а она его нашла. Она, еще несколько минут тому назад чувствовавшая себя несчастной, встретив существо более несчастное, захотела ему помочь.

– Вы не помните, как вас зовут? Ну? Не молчите же!

Он слабо улыбнулся и ответил ей:

– Салют.

– Хорошо, что вы хотя бы не немой и можете говорить, –

вздохнула она с облегчением. – Это ничего, что вы такой за-
торможенный, это временно, потом вы полностью восстано-
витесь, это я вам обещаю... Так вы помните свое имя? У вас
такое пальто грязное...

Ее снова начало трясти.

– Лука.

– Как? Как вы сказали? Лука? Это что, правда ваше имя
или я чего-то не поняла? Девушка, – вдруг крикнула она,
обращаясь к женщине, убиравшей со столов, – подойдите к
нам, пожалуйста, вот, уберите эти грязные чашки и прине-
сите нам кофе и минеральной воды, а еще – валидол, у меня
что-то сердце расшалилось!.. Я вам заплачу... Так вас зовут
Лука? Чудесное имя. Хотите, я почищу вам пальто?

Она поняла, что сейчас разрыдается. Что все слезы, на-
копленные ею на заморском курорте, готовы выплеснуться
здесь и сейчас.

– Имя как имя. А денег у меня действительно нет. Кажет-
ся, они у меня дома... – проговорил мужчина усталым голо-
сом. – Я давно ничего не ел, знаете, как-то не хотелось...

– Вы поссорились со своей женой? У вас неприятности и
вам негде жить?

– Да нет, почему же, я живу здесь неподалеку... А жена...
Я расстался с ней очень давно, еще в прошлой жизни, и дело
не в ней...

– А в чем же? – Ей хотелось быть назойливой, хотелось
вмешаться в его жизнь и принять в ней участие, стать герои-

ней его сегодняшнего вечера. – Да что с вами такое? Вы хотя бы видели себя в зеркало?

– Нет, вот тут вы правы. – Он махнул рукой, как если бы хотел сказать: со мной все кончено, я через минуту умру...

– Хотите, я провожу вас домой?

– Наверное, хочу.

– Давайте выпьем кофе... – Слезы подступили совсем близко. – А знаете, мне муж изменил, бросил меня и уехал в Питер к своей однокласснице, это его первая любовь... А потом сбежал от нее, не смог с ней жить. Решил ко мне вернуться, но мне-то он зачем? И вот теперь я совсем одна... Господи, что я такое говорю... наверное, вот так и сходят с ума... посмотрите на мой нос... Вам он нравится?

– Нравится, – неожиданно быстро, словно он был готов к этому вопросу, ответил Лука. – У вас очень красивый нос. Я бы тоже хотел такой иметь...

– Вы извините меня... – Она встала и, чувствуя огромное облегчение после того, как произнесла, озвучила болезненные для нее фразы, убивающие в ней всякую радость, направилась к выходу. Этот Лука не был болен, определенно. Просто забыл деньги дома... Но зачем же пить чужой кофе?

Она вдруг остановилась, обернулась и взглянула в его зеленые глаза.

– Лука, а это правда, что у вас есть деньги?

– Правда, просто я не помню, куда их положил...

Может, он сумасшедший?

– Мы можем пойти вместе ко мне и поискать... Знаете, я устал. Я так устал, что у меня нет сил даже искать деньги... И мне ужасно стыдно, что я выпил чужой кофе...

– Вы приглашаете меня к себе? – покраснела она. – Но зачем я вам?

– Выпьем чаю... правда, если он есть.

И они вместе вышли из кафе. Лара купила по дороге чаю и хлеба с маслом.

– Я живу тут недалеко, за углом... – И он взял ее за локоть.

4

Лука привел ее в квартиру, двери которой не запирались. Огромная, стоящая миллионы долларов, на Тверской улице, она теперь напоминала густо заселенное общежитие, хотя Лука спокойно и довольно-таки вразумительно объяснил ей, что хозяином ее является он сам и что ему будто даже необходимо было, чтобы там, помимо него, жил кто-то еще. Лара могла только догадываться, что с ним произошло, но, чтобы удостовериться в своих предположениях, ей необходимо было во всем разобраться. И хотя она отлично понимала, что не имеет никакого права вмешиваться в чужую жизнь, она была рада, что у нее появился такой вот странный, ни на кого не похожий знакомый и что ей еще только предстоит узнать, кто он на самом деле и как так могло случиться, что он, человек далеко не бедный, забрел в кондитерскую, чтобы перекусить обедками... Главное, подумала она, чтобы он не оказался сумасшедшим.

Первым человеком, которого Лара увидела в квартире Луки, была исключительной красоты молодая женщина. Она сидела на кухне, подобрала под себя ноги, в халате, и, прижав к груди банку с вареньем, в каком-то упоительном восторге подала его серебряной десертной ложкой. Ни одна деталь не смогла ускользнуть от внимательного взгляда Лары. Жен-

щина приблизительно лет тридцати была раскованна, держалась свободно, а в раскосых ее черных глазах сверкал бесовский огонь. Темные длинные кудри ее небрежно завалились за ворот шелкового халата, под которым угадывалась полная низкая грудь.

– Вот, это Вика. – Лука неохотно представил Ларе любительницу варенья.

Лару же он и представлять не стал, просто взял ее за руку и привел в одну из многочисленных комнат своей, как он считал, квартиры.

Из светлой, желтой, заставленной цветами и какими-то коробками кухни Лара оказалась в жутчайшей синей комнате.

– Почему лампа синяя? – ужаснулась она, разглядывая одиноко висевшую на шнуре маленькую темно-синюю лампочку.

– Не знаю, даже представления не имею, кто ее сюда ввинтил, – пожал плечами Лука, стаскивая с себя пальто и бросая его на спинку стула.

В комнате справа стояла разобранная и слегка прикрытая пестрой тканью кровать, напротив двери светился голубой квадрат огромного окна. Окно, голое, без штор, распахнутое, пугало своей воздушностью, открытостью... Лара подбежала и закрыла его.

– Здесь так холодно...

– Зато свежий воздух...

– Лука, скажите, где ваш стол на кухне, где чайник, который я могу взять, чтобы вскипятить воду и заварить чай?

– Говорю же, здесь все мое, все столы и чайники, ты что, не веришь мне?

Он так легко соскользнул с официального и чужого «вы», что и Лара подхватила такое естественное в тот сумасшедший вечер «ты», спросила:

– А кто эта тетка, что сидит в кухне и ест варенье? Разве она не живет тут? Это ведь, насколько я поняла, коммунальная квартира?..

– Тебя как зовут? – Лука бухнулся в кресло и вытянул свои длинные ноги, обутое в теплые меховые ботинки. На ковре под ними сразу же образовалась лужа.

– Лара. Лариса, – пробормотала она.

– Лариса, это не тетка, а актриса, причем талантливая, она играет в очень хорошем театре ведущие роли... Ее зовут Вика Лейбман, может, слышала? Еще она снимается в кино.

– Но она живет здесь? Она кто тебе?

– Хорошая знакомая. Я не мог жить один... Мне было очень плохо. А тут как раз она заглянула, ей деньги понадобились, я дал ей и попросил ее пожить несколько дней у меня... мне просто необходимо было присутствие в доме живой души. Вот и все.

– У нее есть семья?

– Конечно, есть. У нее и муж есть, да только он сейчас в клинике. Лечится. Пьет, собака.

– Значит, я могу спокойно вернуться в кухню и вскипятить чай?

– Разумеется...

– А холодильник?.. Там тоже все Викино?

– Нет, что найдешь – все твое. Вика любит сладкое. И ее еда хранится в буфете. Вот там лучше ничего не трогать.

Она ничего не поняла. По-хорошему, ей надо было в тот же вечер распрощаться с Лукой, поехать к маме, рассказать про Чемберлена и посоветоваться, как выдворить из квартиры постороннего мужчину. Вместо этого она предоставила ему возможность и дальше проживать там, сама же познакомилась с другим, находящимся в депрессии (или постепенно выползающим из нее) мужчиной и вот теперь собиралась остаться у него на ночь.

– Хорошо, я сейчас пойду на кухню и постараюсь сделать вид, что меня эта твоя Вика не раздражает. Но сначала скажи мне, где я могу найти обыкновенную лампочку, не синюю...

– Понятия не имею.

Лука закрыл глаза, и Ларе стало страшно. Что она делает в этой квартире? Как вообще такое могло случиться, что она забрела сюда, куда сунула нос? Ей здесь не рады. Вон, он даже глаза закрыл, утомился от ее присутствия.

Она вышла из комнаты, тихо притворив за собой дверь. После синей комнаты кухня показалась особенно жизнерадостной. А Вика, увидев Лару, просияла:

– Как хорошо, что ты пришла. Мы уж думали, что так ни-

когда и не заявишься... ему плохо, очень плохо... Он почти месяц ничего не ест, не спит, я скормила ему килограмм снотворного и разных транквилизаторов... Мне его очень жаль.

– Вы меня, верно, с кем-то спутали... нет, я могла бы, конечно, сделать вид, что я и есть как раз та, что вы ждали, но я – не та. Я познакомилась с Лукой в кондитерской. Только что. Я поняла, что он очень голоден. – Она решила не вдаваться в подробности и не рассказывать о том, как Лука пил чужой кофе и закусывал чужой булочкой.

– А... – Вика поставила с грохотом наполовину опустевшую банку на стол, поднялась и сладко потянулась, словно демонстрируя проступившее под халатом идеальное тело. – Что ж, это делает вам честь. Тогда сегодня у меня выходной. Мне тоже надо побывать дома, привести в порядок квартиру, помыть полы хотя бы... Это хорошо, что он захотел есть. Я рада... Но сейчас ему не следует есть ничего грубого или острого. Зеленый чай, немного хлеба с маслом...

– Я как раз и купила хлеба с маслом...

– Вы добрая девушка... Хотите варенья?

– Нет, спасибо. Мне бы лампочку. Нормальную.

– А... Хорошо, что напомнили. Я же купила сегодня, да только забыла вкрутить...

Вика метнулась из кухни и вернулась через минуту, уже с лампочкой.

– Синий свет – это неприятно, – согласилась она. – Вот, вкрутите. Посмотрите направо. Видите, на стене висит под-

нос, расписанный розами? Так вот. Он очень удобный, с высокими бортами, и Лука очень любит, когда я приношу ему на нем еду или лекарства. Он прямо как ребенок... поставьте туда чашку с чаем, сделайте ему бутерброд... Я надеюсь, что он пошел на поправку...

– Кто он, Вика?

– Лука Туманов. Хороший человек. Немного сумасшедший, конечно. Но еще летом вы могли бы встретить его, полного сил, в его офисе на Смоленке... Это просто бездна энергии, юмора, ума... Он, как это сейчас говорят, удачливый предприниматель, он руководит крупной фирмой... Вернее, руководил... Вот уже пару месяцев, как отошел от дел. Хорошо, у него есть друзья...

– Что с ним случилось?

– Говорит, что устал. От больницы отказывается. Всю осень проспал, проплакал... Знаете, это иногда с людьми случается. Горючее кончилось. У нас, у актеров, это обычное дело. Я сама сколько раз валялась с такими приступами. Главное в таких случаях – гнать подальше от себя мысли о смерти...

– У него есть деньги? – все же решила спросить Лара. – Я имею в виду наличные? Он в кондитерской едва наскреб на чашку кофе...

Ну не могла она сказать правду.

– У Луки? – хрипловато рассмеялась Вика. – Вы что, шутите? Да он один из самых богатых людей в Москве!

– Но разве так живут богатые люди? – вырвалось у Лары. – И где же его близкие? Родные? Как могло так случиться, что он остался совсем один? Если у него есть деньги, его должны были поместить в хорошую клинику, где ему оказали бы помощь... Это же так просто... – прошептала она, чувствуя, что не имела права говорить такие слова этой совершенно посторонней женщине.

– Я приняла вас за его жену, – усмехнулась Вика. – Неужели вы еще не поняли?

– Нет, не поняла.

– Они развелись довольно давно, и она была единственным близким для него человеком. Думаю, ей сказали, что он болен, но она так и не пришла... Бог ей судья. А что касается его денег и клиники, то я вам скажу следующее: все люди разные... Лука очень добрый, понимаете? И люди этим пользуются... И я в том числе. И не скрываю этого. Думаете, в этой квартире за время его болезни нашла приют только я одна? Ничего подобного... Вот увидите еще, сюда часика через два-три зайвится его школьный товарищ Витя Манцов с какой-нибудь шлюхой... Они будут всю ночь пить за стенкой, скрипеть кроватью и мешать мне репетировать... Вот если бы Лука жил в спальном районе, вряд ли кто вспомнил бы о нем, а так, на Тверской, в самом центре Москвы... Грех не воспользоваться добротой друга...

– Вика, если вы так хорошо во всем разбираетесь, то напомните ему хотя бы, где он хранит свои наличные, иначе

ваш друг Лука просто умрет с голоду... А я... Мне пора домой. Просто хотелось помочь человеку, у него был очень несчастный вид.

– Деньги? Да откуда же я знаю?

– Насколько я понимаю, вы последнее время живете на его деньги, едите вот варенье, а он голодает...

– Но он сам дал мне эти деньги! – воскликнула уязвленная актриса. – Сами и спросите, где он их хранит. Мне это ни к чему... Уйдет она... Хотите – уходите. Вас никто не держит. Но я не могу быть при нем нянькой. Я работаю. Просто сегодня у меня выходной.

Лариса в сердцах схватила со стола электрический чайник, набрала воды и включила его. Она сама была немного не в себе...

В буфете нашелся заварочный чайник, из комнаты, где дремал Лука, она принесла пакет с чаем, хлебом и маслом. Заварила чай, поставила на поднос чайник, чашку, плетеную корзинку с хлебом и масленку со свежим маслом. Вика, пока она двигалась по кухне, бросала на нее одобрительные взгляды. Сама же она, снова устроившись на стуле, занималась своей внешностью: наносила на лицо какую-то желтую, похожую на масляно-желточную, маску... Конечно, она должна быть красивой, актриса как-никак.

– Не бросайте его, – сказала Вика ей вслед, когда Лариса с подносом отправилась к Луке. – Он сильный и скоро вернется к нормальной жизни. Ему сейчас уход нужен... Я бы

помогла, но у меня со следующей недели начинаются съемки, а завтра уже пойдут спектакли... Вас как зовут-то?

– Лара, – бросила она через плечо и толкнула ногой дверь.

Лариса взобралась на стол, благо провод свисал довольно низко, и заменила лампу. И тотчас комната заиграла яркими, теплыми красками. Стены и мебель налились насыщенным персиковым тоном, мебель заоранжевела, ковры расцвели розово-голубыми нежными узорами. Лука проснулся. И тоже словно раздурмянился.

– Вот, ешь. – Она поставила перед ним на журнальный столик поднос с чаем. – Я познакомилась с твоей квартиранткой Викой. По-моему, она неплохая девушка, но запустила кухню... Повсюду такая грязь... Тебе сколько ложек сахара?

Она разговаривала с ним, с этим небритым, исхудавшим, в непомерно длинном черном свитере мужчиной так, как если бы знала его давно, по меньшей мере половину жизни, так ей было с ним легко и свободно. К ее радости, он съел два куска мягкого хлеба с маслом и выпил две чашки сладкого чая. Он выглядел, как ей показалось, много лучше, чем в кондитерской. Да и глаза смотрели не так, как там, а если и вызывали жалость, то уже не в той мере, как прежде. Конечно, тут сработала и информация Вики: оказывается, Лука не лгал, когда говорил, что квартира принадлежит ему, он вообще-то башковитый, талантливый парень, просто раскис,

расклеился немного...

– Оставайся, – предложил он после ужина, привстав с кресла и тронув Лару за рукав. – Уже поздно. Позвони домой, скажи, что заночуешь у подруги... Впрочем, что мне тебя учить, сама знаешь, что нужно делать...

И тут он улыбнулся. Совершенно очаровательной, обезоруживающей улыбкой, и Лара ответила ему улыбкой, и тоже искренней, счастливой, что вот, мол, не дала человеку и дальше позориться в кондитерской, привела домой, накормила...

Лука вышел из комнаты, держа Лару за руку. Они заглянули в кухню. Вика, увидев их, страшно обрадовалась. Ее руки, оголенные по локоть, теперь были покрыты толстым слоем крема, она попросила взглядом помочь ей надеть на них специальные перчатки.

– Это мне пытка на ночь, – покачала головой она. – Что поделаться, красота требует не только жертв, но и колоссального количества терпения, времени и денег...

– Ты и так красивая, Вика. – Лука подошел и помог ей надеть фланелевые перчатки. После чего нежно поцеловал ее в макушку. – Я пойду покажу Ларисе, где она сможет переночевать. Где у нас чистое белье?

– Ой, у меня же руки в креме... Лука, в стенном шкафу, рядом с ванной комнатой, там и постельное белье, и полотенца... Лара захочет принять ванну...

Лука повернулся к ней спиной и направился к двери, Лара увидела, как, глядя ему вслед, Вика положила руку на сердце, после чего перекрестилась, откровенно радуясь выздоровлению своего подопечного: по всей видимости, Лука впервые за все время своей депрессии повел себя как нормальный, здоровый человек.

Лука привел ее в небольшую и захлавленную, как и вся квартира, комнату, где стояли кровать, шкаф, кресло и ночной столик.

– Вот, располагайся. А утром разбудишь меня, и мы вместе с тобой выпьем кофе. Спасибо тебе...

И Лука поцеловал ее.

– Знаешь, я вспомнил, где деньги... Они вот в этом шкафу, здесь есть сейф... Скажи, – он вдруг перешел на шепот, – неужели я там... допивал чужой кофе? Как же мне хотелось есть и пить...

– А Вика? Почему ты не попросил *ее* приготовить тебе поесть?

– Я не хотел есть, – развел он руками. – Она обычно заставляла меня есть, а тут я сам, понимаешь, сам захотел... Ладно, забыли... Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

5

Следователь: Моя фамилия Мыльников, зовут Егор Сергеевич. Я следователь прокуратуры и веду дело об убийстве Оксаны Музруковой. Итак, вас зовут Киреев Валентин Александрович. Скажите, как и при каких обстоятельствах вы познакомились с Музруковой?

Киреев: Я подвез ее на машине. Это было несколько месяцев тому назад, точно не помню.

Следователь: Да вы не нервничайте... Хотите воды? Меня интересует характер ваших отношений.

Киреев: Я женатый человек. У меня семья. Отрицать, что мне очень нравилась эта женщина, я не могу, тем более что все равно вы бы докопались до правды... Но я не хотел бы, чтобы моя жена узнала об Оксане...

Следователь: Оксана была вашей любовницей?

Киреев: Да.

Следователь: Где вы с ней встречались?

Киреев: Я снял квартиру для наших встреч.

Следователь: Квартиру? Означает ли это, что вы собирались встречаться с этой женщиной и дальше, что она сильно нравилась вам?

Киреев: Да, я же сказал... Я любил ее.

Следователь: А вы говорили ей о своих чувствах? Она знала, что вы любите ее и что отношения ваши... серьезные?

Киреев: Нет. Я боялся сказать ей об этом, боялся обнадежить, потому что не был уверен, что смогу развестись с женой. Понимаете, у нас, пусть это вас не удивляет, хорошая семья. И я по-своему люблю свою жену. Но с Оксаной были совершенно другие отношения. Я любил ее как женщину, с моей женой у нас все эти отношения... сексуальные, я имею в виду, в прошлом...

Следователь: Ваша жена знала о том, что у вас есть молодая любовница?

Киреев: Уверен, что нет. Иначе она не стала бы молчать. Она, в отличие от меня, прямой и открытый человек.

Следователь: Когда вы встречались с Оксаной Музруковой в последний раз?

Киреев: Вчера. Я позвонил ей в три часа, и мы договорились о встрече. Она приехала на нашу квартиру, я там ее уже ждал. Мы выпили вина и провели вместе несколько часов до самого вечера.

Следователь: Какое вино вы пили?

Киреев: «Пино».

Следователь: Как вы расстались?

Киреев: Я сказал, что хочу видеть ее чаще и что было бы неплохо, если бы она бросила работу... Понимаете, я собирался предложить ей быть как бы моей второй женой, я в состоянии содержать еще одну женщину.

Следователь: Но вы так и не успели предложить ей это?

Киреев: Если бы я знал, что больше не увижу ее... Пой-

мите, она мне больше чем нравилась, я любил ее, она была очень нежной женщиной.

Следователь: Вы не ревновали Музрукову к ее шефу?

Киреев: А разве были основания? Я ничего не знал о той фирме, где она работала, за исключением того, что ей там платили очень мало. Она была не то бухгалтером, не то кассиром. Мы вообще никогда не беседовали с ней о работе, у нас не было времени на подобные разговоры...

Следователь: Понятно. Вы сами подвезли ее на машине?

Киреев: Да, разумеется. Я всегда подвозил ее, думаю, что именно этот факт и помог вам так быстро найти меня... Кто-то, вероятно, запомнил номер моей машины.

Следователь: Вы не вышли из машины, чтобы проводить ее до самой двери?

Киреев: Нет, я теперь страшно жалею об этом. Сколько раз видел в кино, что мужчина провожает женщину до двери и спокойно возвращается к себе домой, а на нее нападают... Но то в кино... Боже, мне не верится, что Оксаночки больше нет...

Следователь: Валентин Александрович, вы не припомните, что было у нее в руках, когда она вышла из машины?

Киреев: Конечно, помню. У нее была довольно-таки объемистая красная сумка, в которой находилась простыня... Не удивляйтесь, существуют женщины, которые не могут спать на чужих простынях... Оксана была из таких.

Следователь: Вы сказали, что сняли для ваших встреч

квартиру... Это довольно дорогое удовольствие... Почему вы не могли встречаться у Музруковой дома, ведь она жила одна?

Киреев: Ее дом далеко от моей работы, и я бы не успевал... Та квартира, которую я снял, находится в очень удобном месте – между моей работой и ее... Мы могли встречаться там днем. Она говорила, что едет в банк, и у меня есть возможность отлучаться...

Следователь: Кроме сумки с простыней, у нее больше ничего не было?

Киреев: Постойте... Я ошибся. Простыня находилась не в сумке, а в пакете. Это поначалу она была в сумке, а затем грязную простыню она убрала в маленький пакет, потом в большой, тоже красный. В сумку же свою она положила кошелек, я дал ей немного денег, еще там были такая маленькая сумочка с косметикой и... колготки. По дороге ко мне она порвала колготки, в метро купила новые, а когда мы уже с ней расставались и она собиралась домой, я видел, как она свои порванные колготки положила в сумку. Понятия не имею, зачем она это сделала... Может, по рассеянности... Она вообще тогда была какая-то взвинченная, нервная и в то же время необычайно веселая и ласковая...

Следователь: Вы не знаете, сколько денег было в ее кошельке?

Киреев: Я человек внимательный... Когда я дал ей двести долларов, она достала кошелек, чтобы положить их туда, и я

увидел в отделении для бумажных купюр несколько – пять или шесть – пятисотенных. Не бог весть какие деньги... Вы думаете, что на нее напали из-за этих денег?

Следователь: Иногда убивают за сотню рублей... Всякое случается.

Киреев: Вы только не удивляйтесь, но еще у нее была коробка с пирожными... Это я покупал ей, мы пили вино и ели пирожные... Вернее, она немного поела, я-то нет... Пирожные из немецкой кондитерской. Много осталось, и она сказала, что возьмет их домой, будет есть и вспоминать нашу встречу. Она была сентиментальной, она очень нравилась мне... Еще там же, в коробке, был черный виноград. Надеюсь, что хотя бы это не украли?

Следователь: При ней не было вообще ничего.

Киреев: Но кому понадобилась коробка с пирожными?

Следователь: Музрукова не была беременна?

Киреев: Мне она ничего не говорила... Если экспертиза покажет, что была, мне будет очень жаль... Возможно, это подтолкнуло бы меня к определенным действиям...

Следователь: Каким именно?

6

Она проснулась среди ночи от голосов. Еще к ним при-
мешивался шум. Даже не шум, а возня и какая-то странная
музыка, словно через комнату от спальни, где находилась
Лара, расположились музыканты со своими удивительными
электрическими инструментами. Только музыка была при-
глушенной, а вот звуки, накладывающиеся на музыку, оказа-
лись, как она вскоре поняла, песней любви, иначе и не назо-
вешь характерное буханье кровати спинки о стену... Ви-
димо, в квартире появился тот самый парень, о котором го-
ворила Вика, причем не один. Но и это не все. Голоса, кото-
рые проступали сквозь гроыханье кровати и музыку, боль-
ше походившую на современную аранжировку средневеко-
вых религиозных песнопений, были голосами Луки и Вики.
Они говорили на повышенных тонах. Или же ей это только
показалось?

Набросив на плечи джемпер и завязав рукава узлом на
груди, Лариса в мужской пижаме «от Луки» вышла из спаль-
ни и, оказавшись в темном, расчерченном голубыми и чер-
ными тенями оконных рам коридоре, двинулась на голоса...
Дошла до комнаты, где должен был спать Лука, и, охвачен-
ная любопытством, замерла, прислонившись спиной к стене,
и вся обратилась в слух. И хотя она слышала далеко не все,
основной смысл фраз она все же могла уловить.

Лука:... Мне просто вспомнилась одна история. С тех пор прошло... прошло ровно тринадцать лет... Я шел по университетскому городку в Небраске с красивой темно-рыжей девушкой... Ее отец был не последней спицей в колеснице государства.

Лариса разве что не присвистнула. Лука в чем-то признавался, но почему-то говорил быстро, как заведенный, словно у него на все про все было всего несколько секунд...

Лука:... Мы с этой девушкой были... мы очень сблизились за то лето, и я сказал ей, что должен бросить университет, у меня нет родных и нечем платить за учение. Следующий день – день моего рождения – был самым счастливым в моей жизни: мне дали стипендию... Я смог учиться дальше и вот – стал адвокатом.

Значит, Вика солгала или что-то перепутала, когда сказала, что Лука занимается бизнесом.

Вика (более трогательным тоном): Это и вся ваша история?

Лука: Та девушка стала моей женой.

Вика (хмуро): У вас есть жена?

С каких это пор они на «вы»?

Лука: Была. Она меня бросила.

Вика: О! Значит, и вас тоже?..

И ее тоже, подумала Лара. Что-то нас всех бросают.

Лука: И меня тоже. Перед самой свадьбой я узнал, что стипендию мне дали только под нажимом Люцифера (Лара плохо разобрала, но ей показалось, что именно Люцифера, уж слишком зловеще звучали в темноте квартиры любые слова, произнесенные за дверью), ее отца. И знаете, что я тогда сделал?

Вика: Что?

Лука: Ничего. Это абсолютно верно то, что вы сказали. Вы совершенно правы.

Вика: В чем права?

Лука: Я выклянчиваю подачки. Так оно и есть. Никогда этого не понимал, а сейчас вдруг понял.

Вика: Лука, мать твою, куда же ты отправился? Тьфу ты... Но куда же вы идете? Оставайся в комнате! Нельзя же понимать так буквально...

Лука: Обратю, в свое одиночество. Опять будет то же самое.

Вика: Так не уходите. В самом деле, раз вам опостылела ваша комната, раз вам не хочется возвращаться к себе в день

рождения – оставайтесь тут. Я лягу на диванчике в кухне, а вы – здесь. Может, если вы хорошо выспитесь, утром вам будет полегче, а? Оставайтесь, если хотите.

Лука: Остаться?

Лара стояла возле стены, совершенно сбитая с толку. Так чья это квартира и почему они разговаривают как совершенно чужие люди? Ей вдруг стало страшно...

Вика: По крайней мере, выспитесь. А утром вам будет лучше.

Лука: И выставить вас вон?

Вика: Ну почему же вон! Я на том диванчике отлично улягусь. А вы... у вас такие длинные ноги...

Лука: Да. И правая, и левая.

Вика: Ладно, я пока что... Ничего, если я оставлю вам свою простыню?

Я вчера только постелила чистую и мылась в ванне.

Они сумасшедшие.

Лука: Конечно, ничего. Очень мило, что вы предложили мне ночевать у вас. Нелепо, правда, но...

Вика: Почему нелепо? У вас паршивая кровать, завтра вы купите керосину и промажете все щели в стене...

Керосин – это уже слишком. Лара решительно постучала в дверь. Сразу стало тихо.

– Эй, вы там... Я все слышала... Лука!

И она, забыв все приличия, надавила на дверь и буквально ввалилась в комнату. При свете лампы она увидела развалившегося на подушках Луку с пачкой листов в руках. Он был, как и она, Лара, в пижаме, Вика же сидела в его ногах, закутанная в темную вязаную шаль, и тоже держала в руках какие-то листы.

И тут Ларису точно током ударило. Так стыдно ей не было еще никогда. И хотя она до последнего момента воспринимала этот диалог как ночной разговор Луки и Вики, ее мозг продолжал искать в узких и сложных лабиринтах своей памяти похожие фразы, образы, и когда эта самая память услужливо ударила ей в нос запахом театральной пыли и свежего кофе – так всегда пахнет в фойе старых театров, – на табло ее подсознания засветилась неоновыми буквами фраза: «Двое на качелях» и потом черно-белый текст в программке «Уильям Гибсон». Гитель и Джерри. Влюбленная и отчаявшаяся Гитель и влюбленный и еще более отчаявшийся Джерри... Они репетировали пьесу Гибсона, а она помешала им. Но какова Вика? Использует Луку на всю катушку! Мало того, что живет в его квартире на его деньги, так еще и заставляет Луку ночью помогать ей учить роль, исполнять роль Джерри!

– Лариса? – Лука стыдливо потянул на себя одеяло. – Мы

тебя разбудили? Извини...

– Да это не мы ее разбудили, а этот твой Манцов, снова трахается с очередной подружкой... а музыка?! Нет, вы только послушайте, под какую извращенческую музыку они все это проделывают?!

– Да брось, Вика, Виктор талантливый человек и сочиняет неплохую музыку. Просто у него нет своей студии, хорошего синтезатора... его никто не рекламирует, не раскручивает...

– Ну, давай-давай, раскрути его, помоги, протяни руку помощи... Бесстыжий! Нахал! Человек болен, и он пользуется этим... – И Вика, шумно дыша своей полной грудью, обтянутой шалью, смачно выругалась.

– А давайте пить чай, – вдруг предложил Лука. – Вставай, вставай, Вика, нечего Манцова ругать, ему сейчас нелегко... За него только радоваться можно, что у него все с женщинами получается, а вот с меня что взять? У меня руки от слабости до сих пор дрожат, не то что остальное... Я раскис, разболелся... Хорошо, что вы, девочки, рядом со мной... Про работу и думать не хочу, так тошно сразу становится... Мне бы другим чем заняться...

– Это чем же, к примеру? – Вика помогла Луке подняться и как-то нежно, по-матерински, прижала его голову к своей груди. – Уж не ландшафтным ли проектированием?

– Именно! Не вижу в этом ничего смешного, – возмутился Лука. – Отвари мне яйцо. Хочу крутое яйцо с майонезом. Умираю.

Лара, глядя на эту парочку, вдруг почувствовала себя лишней.

– Слушайте, ребята, а не пора ли мне домой?

Сказала и тотчас пожалела об этом. Куда домой? Там же занято. В ее квартире теперь живет Чемберлен, быть может, до сих пор не спит и работает за компьютером. Приехать ночью к маме? Притащиться к ней посреди ночи: здрасьте, я приехала, не ждали? У мамы будет перепуганное лицо, влажные от слез глаза... Она такая чувствительная, вечно всего боится. И придется ей рассказать про квартиранта...

– Как это домой? – Лука схватил ее за руку и притянул к себе. – Мы так не договаривались. Разве тебе у нас плохо?

– Хорошо, да только что мне здесь делать? Я думала, что смогу помочь тебе, а тут Вика, и вы так прекрасно ладите.

– Лариса, ведь тебя все равно дома никто не ждет, – довольно бесцеремонно, но точно заметила Вика, глядя на нее чуть ли не с сочувствием. – Если бы тебя ждал, к примеру, муж, которого ты любишь, или ребенок, по которому ты соскучилась, тебя никто бы не остановил...

– Вика, тебе бы в прокуратуре работать... – пожурил ее Лука. – Разве можно вот так... жестоко?

И тут Лара вспомнила, как выдала Луке на-гора, еще там, в кондитерской, всю свою печальную историю о муже, который бросил ее ради одноклассницы. Первому, что называется, встречному. А он сказал ей, что хотел бы иметь такой нос, как у нее... Неужели все это было? Какой стыд...

– Меня действительно никто не ждет, я живу одна, – сказала она. – Здесь не надо быть психологом, чтобы понять это... Вот только до сих пор не могу взять в толк, как я тут оказалась... Наверное, мне было плохо, так плохо, что я уцепилась за Луку... Это ему показалось, что я пожалела его, а на самом деле это он пожалел меня... А теперь мне пора...

Она знала, что ее станут уговаривать остаться, и она в конечном итоге осталась. Они позавтракали в четыре часа вареными яйцами и кофе, а потом разошлись по своим комнатам. И снился ей Чемберлен, в рясе, торжественно-спокойный, даже величественный, сидящий за компьютером, на экране которого пузырилась свежая кровь...

Двери лифта открывались и закрывались. И этот неприятный шум заставил десятиклассницу Лизу Капкову выйти из квартиры, чтобы, успев просунуть руку, нажать на кнопку с цифрой 1, тем самым отправить лифт вниз. Лифт уже давно был неисправен и время от времени застревал именно на последнем, девятом этаже, где и жила Лиза. Было около десяти часов вечера, лестничная клетка была ярко освещена мощной электрической лампочкой. Здесь, на последнем этаже, было чисто, сюда редко забирались бомжи или пьяницы, а усилиями благообразной пенсионерки, жившей напротив сестер Капковых, на подоконнике ярко-розовыми цветами зацвели «декабристы».

Лиза, не дождавшаяся сестру, поужинала в одиночестве перед телевизором и успела посмотреть два фильма, прежде чем ее отвлек этот противный и так сильно раздражающий звук хлопающих дверей лифта... Но она считала себя обязанной «исправить» его, иначе сестре Людмиле придется подниматься пешком по темной лестнице.

Лиза, даже не накинув на плечи кофту, выбежала из согретой калорифером квартиры на лестничную площадку и замерла перед лифтом, дверь открылась, и она увидела свою сестру Людмилу на полу, сидящую в углу лифта и как-то неловко завалившуюся на бок... Бледное ее лицо было опу-

щено и закрыто волосами... Ноги в черных колготках и красных ботинках на острых каблучках раздвинуты, как у куклы...

– Люда?

Первая мысль – она пьяна. Вторая – надо срочно принести спичечный коробок, чтобы заблокировать двери. Их хлопанье становилось просто невыносимым. Она двигалась, плохо соображая. Заблокировала дверь и, подхватив сестру под мышки, выволокла из лифта, усадила на ледяной плиточный пол и привалила к стене.

– Люда, что с тобой?.. Где ты была? – Лиза похлопала ее по щекам. Она знала, что Людмила встречается с каким-то парнем, вроде бы студентом, что иногда приходит подшофе, но чтобы упиться вот так, до безобразия, – такого еще никогда не было. – Вот черт, а где твоя сумка? Забыла в такси? Дурища...

Но ругательное слово она все равно произнесла ласково, с любовью, потому что сильно любила свою старшую сестру и прощала ей все. После смерти родителей Людмила заменила ей их. Сестра хорошо зарабатывала, заботилась о Лизе, вела хозяйство, и вообще, если бы не она, что с ней, Лизой, стало бы?

Лиза снова подхватила сестру и потащила домой. Уложила на ковровую дорожку в передней и сразу же захлопнула дверь, чтобы никто из любопытных соседей не успел увидеть, в каком виде Люда вернулась домой. Черная узкая юб-

ка, черная кожаная куртка, все черное и почему-то липкое... Лиза посмотрела на свою руку, и волосы на ее голове зашевелились... Кровь. Откуда она?

В прихожей было недостаточно света, и тогда Лиза потащила свою сестру ближе к кухне, где посветлее. Кровь сочилась из дыры на куртке. Лиза расстегнула куртку и увидела влажный от крови коричневый свитер сестры. Грудь Люды была прострелена. Люда не дышала. Убили...

На подкашивающихся ногах она подошла к телефону и вызвала «Скорую».

– Девушка, мою сестру убили, только что... Она еще теплая, но уже не дышит... В лифте... Она была в лифте...

Потом набрала номер милиции.

– Кто-то убил мою сестру. Из пистолета. Она не дышит. Приезжайте поскорее... Может, убийца где-то рядом? При ней нет сумки, ничего... Быстрее, слышите?!!

Она опустилась на пол и прилегла рядом с сестрой, прижалась к ее голове и поцеловала в щеку.

– Люда... Людочка... Очнись, проснись. Задыши. Тебя убили по ошибке. Или ограбили.

Она только сейчас заметила, что на сестре нет золотых украшений, которые та так любила. Ни перстня с рубином, ни цепочек, ни браслета... Золотые часы! Вот... Зачем тебе понадобилось их покупать? Вложение денег... Смешно... Люда. Так нельзя.

Она ущипнула себя. Затем еще и еще... Она сидела рядом, поглаживая голову сестры, пока в дверь не позвонили...

8

Лука крепко спал, когда она вышла из притихшей квартиры и поехала домой. В машине было холодно. Так хотелось оказаться в своей квартире, полежать в горячей ванне... Это становилось уже навязчивой идеей. Куда она ехала? Чего хотела? Можно было бы позвонить в дверь и, предположив, что Чемберлен не знает ее в лицо, спросить Ларису Стрешневу. А вдруг это все-таки происки Кирилла и этот парень знает ее в лицо, а она его просто забыла... Но нет, такого красавца не забудешь... Кто он? Что делает у нее дома? Может, все-таки позвонить Кириллу? А где сам-то Кирилл живет? Наверняка купил себе квартиру и живет себе спокойно, ждет ее возвращения... Может, правда любит ее?

Не доехав до дома, она остановила машину напротив супермаркета, чтобы купить что-нибудь поесть. Ей хотелось перекусить в машине, чтобы никто не видел, как она голодна. Она купит себе что-нибудь такое, чего она, домашний человек, никогда раньше не покупала и не ела вот таким диким образом, к примеру, кусок сырокопченой колбасы, батон, пакет молока или сока... Еще бумажные полотенца... Как же ей хотелось домой, домой... В чистоту, комфорт...

Лариса катила перед собой тележку и вдруг зажмурилась – прямо на нее шел Чемберлен. Собственной персоной.

Джинсы, кожаная куртка, волосы вразлет, спокойные, разрезанные глаза... Вот он, шанс. Если она сейчас не заговорит с ним, то когда еще ей представится такая возможность?

Она недолго думала. Вернее, совсем не думала. Она просто выбросила из своей тележки бутылку с соком киви. Чемберлен с забрызганными джинсами кинулся ее успокаивать.

– Черт... Черт... – чертыхалась она, боясь поднять голову. Вот сейчас он увидит, что у нее кривой нос, что она страшно некрасива и что вообще дура.

– Да не переживайте вы так... что это на вас нашло? Подумаешь, сок разбился? Да сейчас все уберут... Мне вот вашу одежду жалко...

– Да это же ваши джинсы все забрызганы... Хотите, я дам вам денег на химчистку...

Она вдруг поняла, что у нее нет сил соблазнить Чемберлена, что она никогда не посмеет разговаривать с ним как с равным. Он был богом для нее, во всяком случае, небожителем, как настоящий Ричард Чемберлен, случайно забредший в этот супермаркет за перепелиными яйцами или земляникой. Куда она со своим носом и взглядом затравленного зверька?

Она не помнила, как оказалась на улице. Ветер трепал ее волосы, как трепал и волосы стоящего рядом Чемберлена. Он заплатил за сок, улыбнулся подлетевшей к ним продавщице и сказал, что это он нечаянно разбил бутылку.

– Меня зовут Игорь, – сказал он. – Хотите, я угощу вас ко-

фе и дам вам возможность привести в порядок свою одежду?

Он явно клеился к ней, потому как ее одежда была более-менее в порядке, если не считать нескольких пятен на джинсах.

– Я живу здесь недалеко, вернее, совсем рядом, вот в этом доме...

Она не верила своим ушам. Оказывается, у Чемберлена был еще и голос, божественный голос, бархатистый, мягкий. По-видимому, он был очень добрым человеком.

– Хорошо, я только уложу пакеты в машину, – сказала она, не глядя, пытаюсь всунуть ключи и открыть свой старенький «бумер».

– Вам помочь?

– Нет, спасибо...

Ей хотелось крикнуть ему: «Открой глаза, посмотри на мой нос, разве ты не видишь, как я боюсь тебя, как я недостойна тебя?»

Он привел ее в «свою» квартиру. Ей предстояло удивиться уютным апартаментам, роскошной, устланной коврами студии, удобной лестнице, оборудованной кухне, красивой ванной комнате... Она заново открывала для себя свою квартиру. Вот когда жила здесь, не ценила, оставшись же на улице, завидует этому парню, поселившемуся тут непонятно каким образом.

– У вас такая квартира... – Она развела руками. – Просто

шик!

– Да уж... Она мне и самому нравится...

Может, Кирилл каким-то мошенническим образом продал ее, слепив из воздуха генеральную доверенность, и Чемберлен на самом деле является ее хозяином? Вот так штука... Зря она не позвонила Кириллу.

Он на правах хозяина усадил ее на диван и принес сначала водку, а потом и обещанный кофе. Она не верила, что все, что происходит с ней, явь.

– А что бы вы сказали, если бы узнали, что я нарочно уронила бутылку с соком? – засмеялась она, понимая, что он воспримет ее слова лишь как шутку.

– Подумал бы, что вы – смелая девушка. Жаль, что это не так...

– Откуда вам знать?

– Да потому что это я толкнул вас, когда шел со своей тележкой... Так-то вот. Знаете, вы мне ужасно нравитесь. Может, вы хотите есть?

– А что, у меня такой голодный вид?

– Нет, но все равно... Хотя, так и быть, теперь моя очередь вам признаваться. Я действительно нарочно толкнул вас, чтобы познакомиться... Во-первых, вы мне понравились, а во-вторых, я надеялся, что, когда мы немного познакомимся, вы приготовите мне что-нибудь домашнее... Я и мяса купил, и овощей... Вы же сами видели, у меня была полная тележка...

И вот уже через несколько минут она, слегка опьяневшая от водки, стояла за своим любимым разделочным столом и отбивала мясо... В этой кухне она чувствовала себя хозяйкой в полном смысле этого слова. Хотя ей и приходилось, когда Чемберлен заходил туда, делать вид, что она ищет то оливковое масло, то пряности...

– Вообще-то я далеко не всем красивым мужчинам вроде вас готовлю обед, – заметила она, переворачивая отбивные и по-прежнему боясь взглянуть ему в лицо.

– Да что вы говорите? – Чемберлен подошел к ней с новой порцией холодной водки. – Вы чем закусывать будете – лимоном или колбасой?

– Лимоном.

– Я, знаете ли, тоже не всех толкаю тележкой в супермаркете. Говорю же, вы мне понравились. Но я, признаться, и не предполагал, что вы умеете так прекрасно готовить... За встречу?

Они чокнулись хрустальными рюмками (подарок мамы, пронеслось в голове у Лары) и выпили. В голове закружилось. Лариса накрыла стол на кухне и поняла, что не готова к застолью. Она вообще не подготовилась к такому стремительному развитию событий. Ей необходимо было принять ванну и переодеться. Но вся одежда в основном томилась в чемоданах, уложенных в багажнике машины.

– Знаете, чего не хватает к этим отбивным?

– Чего? – Чемберлен пожирал глазами расставленную на

столе еду: помимо отбивных, Лара успела приготовить салаты из морепродуктов, из сыра с чесноком и итальянские макароны. – Так чего же не хватает?

– Красного вина. Я без него не сяду... Ну, пожалуйста, Чемберлен... сходите за вином... Это ведь так близко, магазин совсем рядом...

– Да нет вопросов!

И он в каком-то нежном порыве поцеловал ее в щеку и бросился к двери.

Никогда еще Лариса не мылась так быстро, нанося на волосы шампунь и смывая пену теплой тугой струей воды. Она даже успела почистить зубы, вытереться насухо и переодеться у себя в спальне в другие джинсы и другой джемпер, правда, такого же оттенка, как и тот, в котором она сюда пришла. Выглянув в окно и увидев, что ее голодный квартирант возвращается, она за минуту успела даже подсушить волосы феном... Когда он пришел, она, чистая и успокоенная, сидела за столом и грызла яблоко.

– Ты помылась, – сказал он с ходу.

Она покраснела.

– И переделалась. Не понял.

– И я тоже не поняла...

Они некоторое время молчали.

– В чем дело? Тебе негде жить?

– Послушай... Вообще-то мне есть где жить... Да только в моей квартире живут посторонние... – События развора-

чивались уже бесконтрольно.

– И как же это случилось? Тебя что, выселили? – Чемберлен машинально откупорил бутылку и разлил вино по стаканам.

– Представляешь, – Лара встала и залпом выпила половину стакана вина. – Прилетаю из-за границы, захожу домой, вижу – в моей квартире кто-то живет... Какой-то посторонний мужчина.

– Ты хотя бы милицию-то вызвала?

– Нет.

– Почему?

– Подумала, что это бывший муж в мое отсутствие пустил на квартиру своего друга...

– Ты позвонила ему? Подожди... Давай выпьем и немного перекусим, а то у меня сейчас случится голодный обморок...

Он вел себя так естественно, что Лара поверила тому, что он так до сих пор и не догадался, что речь идет о нем самом.

Пока он ел и стонал по поводу сочной и мягкой отбивной, Лариса думала, что будет, когда она расскажет ему самое главное. Или пусть все идет, как идет? Она улыбнулась и выпила еще немного вина.

– Значит, ты приехала, а в твоей квартире живет какой-то тип... И ведь ключи подошли, так? – Кажалось, что он искренне возмущен таким поведением незваного гостя, который даже не удосужился поменять замки.

– Конечно, подошли, раз я вошла.

– И что дальше? Ты ему что-нибудь сказала? Призвала, так сказать, к ответу? – спрашивал он с набитым ртом.

Она чуть не расхохоталась, до того комичная была ситуация.

– Да ничего я не сказала... Увидела мужика, испугалась и убежала... Вот и таскаюсь уже второй день с чемоданами в машине, даже помыться еще с дороги не успела... – Она решила опустить свою встречу с Лукой вместе с его прекрасной ванной, мягкими полотенцами и полосатой, синей с белым, мужской пижамой.

– Бедолага... Представляю, в каком темпе ты сейчас мылась... А я-то, осел, и не догадался...

– Да как же ты мог догадаться? Разве у меня на лбу написано, что я с дороги и не мытая? Или... от меня пахнет...

– Нет-нет, успокойся, ты выглядела чистой и свежей, как маргаритка. Но до чего же интересную историю ты рассказала! Что ты теперь намерена делать?

– Понятия не имею.

– Ты что, сумасшедшая? Ты и дальше будешь таскаться по Москве с чемоданами, вместо того чтобы выбросить наглого квартиранта?

– Я же не мужчина...

– Хорошо, тогда поехали вместе к тебе... Надеюсь, что это какой-нибудь хлюпик... – Чемберлен расхохотался, показывая прекрасные белые зубы.

– Чемберлен... Вернее, Игорь, не знаю даже, как тебе и

сказать... Тот мужик, как ты выразился, – ты.

Они смеялись долго, до коликов. В перерывах между взрывами хохота он сказал, что снял эту квартиру и заплатил вперед восемьсот долларов – плата за два месяца. Успокоившись, сказал, что тетка, представившаяся хозяйкой, яркая цветущая женщина лет пятидесяти пяти, с заметным украинским акцентом. У нее была большая связка ключей, и она уверенно открыла все замки этой квартиры. Показала комнаты, кухню, предупредила, что будет приходить и проверять, следит ли квартирант за чистотой.

– Ладно, бог с тобой, живи, раз заплатил... Нас с тобой обманули. Даже копать в этом деле не хочется... – сказала Лара, заметно повеселев, ведь теперь ей предстояло провести с Чемберленом целых два месяца! – Надеюсь, я тебе не помешаю? Или же... Собственно говоря, не представляю, какие еще могут быть варианты...

– Буду только рад, честное слово, – приобнял Лару расстроженный ее добротой Чемберлен. – Вот это история! Но в Москве еще и не такое бывает...

Обед плавно перешел в ужин. Они сидели, пили вино, ели, и Чемберлен рассказывал о том, как он ушел от жены, которую раздражал своим долгим просиживанием за компьютером, что он программист и ему просто необходимы условия для работы. Детей нет, да и вообще он намерен развестись с женой, которая его не понимает. Лариса, слушая его, не понимала, как такой потрясающий мужчина может кого-либо

раздражать. У нее голова кружилась и от выпитого вина, и от присутствия рядом Чемберлена. Она даже забыла о своем носе, настолько ей было свободно и хорошо...

– Тогда я позвоню маме и скажу, что приехала... А то, представляешь, ночевала в машине и не знала, как рассказать ей о квартиранте... Уж она бы точно настояла на милиции...

– Конечно, звони. Мама – это святое.

После ужина, затянувшегося до позднего вечера (она провела с Игорем весь день, и часы пролетели незаметно!), она вымыла посуду и, пожелав своему теперь уже гостю, как она его определила, спокойной ночи, улеглась в своей спальне на своей кровати перед своим телевизором – она была дома. И только тогда вспомнила, что так и не позвонила маме. Набрала номер и поняла, что не готова к разговору. Что ей хочется побыть совершенно одной и что даже мамин голос может разрушить то благостное спокойствие, которое в данный момент было для нее самым важным. Но мама откликнулась. Так быстро, что было уже неловко опускать трубку. Лара веселым голосом сообщила ей о своем приезде.

– У тебя все хорошо?

– Да, мамочка, все отлично. А почему ты спрашиваешь об этом таким тоном? Что-нибудь случилось?

– Ты обманываешь не только меня... В первую очередь – себя!

– Не поняла.

И тут мама шепотом сообщила о том, что у нее вот уже неделю живет Кирилл. Что он только и ждет, когда Лара вернется из Мармариса, и не звонит исключительно из-за того, чтобы не спугнуть ее, не травмировать своим звонком, а ждет, когда она, Лара, сама захочет позвонить ему...

– Мама, да ты что, с ума сошла? Зачем ты приютила его? Ты меня спросила? И почему сама не позвонила? Не предупредила? А если бы я собралась к тебе приехать, а там Кирилл? Вы что, решили подстроить нашу встречу? Да ты знаешь, кто ты после этого?

Но с мамой было бесполезно разговаривать.

– Ты сначала разберись в своих чувствах, а потом решай, что значит в твоей жизни Кирилл. Человек ошибся, с каждым бывает, он все-таки мужчина. Но он раскаивается... Он очень любит тебя, он не может без тебя жить...

Лариса положила трубку. Два предателя: бывший муж и мать. Ничего себе парочка!

Она выдернула телефонный шнур из розетки, отключила свой сотовый телефон и тут же услышала вопль Чемберлена. Боже, она же отключила его от Интернета! Подсоединила к розетке домашний телефон, вышла из спальни и крикнула:

– Извини, просто мне не хотелось, чтобы мне звонили!..

– Заметано! – откликнулся Чемберлен.

Лариса задрала голову и увидела, что весь второй этаж плавает в голубом сиянии работающего компьютера. Похо-

же, она начинает понимать его жену...

9

Рано утром в дверь позвонили. Она открыла дверь и увидела маму. Во всем красном, накрашенная, надушенная и с голливудской улыбкой на губах.

– Малышка моя, привет! Я проснулась чуть свет, завела машину, и вот я у тебя... – И она бросилась обнимать Лару. – Только не прогоняй меня, все-таки я твоя мать...

Она разулась и стремительно ворвалась в квартиру, ее путь лежал в кухню. Лара едва поспевала за ней.

– Вот это творожная масса с изюмом, это овсяная каша, она еще теплая, я привезла ее в специальном термосе... Знаю тебя, питаешься всухомятку...

Ее звали Маргарита Петровна, ей было пятьдесят четыре года, но выглядела она много моложе благодаря природной лени и деньгам своего последнего мужа, профессора физики, практически все время проживающего в Америке. «Он продает там свои мозги», – любила повторять мама всем, кто интересовался ее семейным положением, в особенности, на какие средства она живет, всю жизнь нигде не работая.

– Не говори так громко, все-таки еще только восемь утра... Ты что, в четыре часа встала?

– Да я, можно сказать, вообще не ложилась, всю ночь мы с Кириллом думали лишь о тебе и говорили... Он после твоего звонка себе места не находил... Ты просто не видела его

в последнее время. Он так похудел, осунулся, у него болит желудок... К кому ему еще было пойти после того, как ты отвергла его, как не ко мне. Понятное дело, что я приютила его, ухаживаю за твоим мужем, забочусь о нем, готовлю ему каши...

– Так это ты не для меня сварила овсянку?

– Лара, как тебе не стыдно? И какая разница, кому я приготовила кашу, ведь вы же оба – мои дети!

– Мама, это я твоя дочь, Кирилл же – мой бывший муж, понимаешь? Он бросил меня, ушел к другой женщине, и, если бы она любила его, он никогда, ты понимаешь, никогда бы ко мне не вернулся. Он изменил мне, а ты кормишь его кашами и покупаешь ему минералку...

– Он сам все покупает. Глупая ты девочка, Лариса, вот что я тебе скажу. Твой муж, помимо того, что добрый человек, еще и очень богатый, а это, скажу я тебе, в наше-то непростое время, да при твоём отношении к работе, прямо скажем, наследственном, не так уж и мало. Вернись к Кириллу, я очень тебя прошу. Ну изменил он тебе, изменил, я понимаю, это больно, но время-то идет, пора бы тебе уже начинать забывать об этом. Прости его и вернись. Поверь мне, я вот живу с ним в одной квартире, мы постоянно разговариваем, я наблюдаю за ним и понимаю, что он при всех своих недостатках все равно будет тебе хорошим мужем.

На втором этаже чихнули. Мама выронила из рук пакет с кефиром.

– Кто там? Ты что, не одна? – На лбу ее выступили бисеринки пота. Она, так спешившая к Ларе через всю Москву и теперь с колотящимся сердцем вытаскивающая из необъятной сумки диетические продукты, немного ошалела, услышав этот чих.

– Не одна.

– Кто там, Лара?

– Мужчина, кто же еще!

– Ты привезла его из Мармариса? Или же успела познакомиться с ним в аэропорту?

– Ни то, ни другое. И вообще неважно, где и когда я с ним познакомилась. Когда ты увидишь его, сама поймешь...

– Ты все-таки решила бросить Кирилла, – упавшим голосом произнесла она. – Так?

– Я еще ничего не решила.

– И как далеко зашли ваши отношения? Запомни, моя дорогая, что теперь, когда у тебя такая прекрасная квартира, желающих пожить в ней будет хоть отбавляй... Ты должна быть предельно осторожной, понимаешь?

– Мама, я все понимаю, я уже взрослая и не собираюсь ни за кого замуж...

– Хорошо. Я тоже все понимаю. Ты не можешь простить Кирилла или просто не хочешь, чтобы он был твоим мужем... Ты разлюбила его как мужчину. Ничего страшного. Это объяснимо. Но ты выйди за него замуж ради денег и спокойствия, а сама встречайся с другим. Так живут многие

женщины... Да и мужчины. Лара, ну не будь душой, не упускай свой шанс... Вот взять хотя бы моего Георгия. Живет он в своей Америке и пусть живет... Но он содержит меня, он перевел на мое имя почти всю свою недвижимость, я уже точно не умру с голода, понимаешь? Да, это звучит цинично, пошло и все такое... Но ты можешь представить меня на паперти?

– Мама, не сгущай краски, я не могу себе представить паперть, не то что тебя на ней...

– Голод, детка, – это страшно. Отсутствие денег искажает психику людей, они меняются, и, поверь мне, не в лучшую сторону. Они звереют, превращаются в злых и жестоких животных. Позвони Кириллу, скажи, что готова с ним встретиться...

Как это ни удивительно, но в ее словах было девяносто процентов правды. Благодаря маме и Кириллу Лара всегда была с деньгами, и позавчерашняя сцена в кондитерской, когда Лука подбирал объедки, лишь дополнила картину нищенской жизни. И это просто чудо, что Лука не беден и что он совершенно случайно, лишь движимый первым после болезни острым приступом голода, ел не доеденную студентами булочку... Бедность – что может быть страшнее?! Это как смерть. А что она умеет, кроме рекламирования зубной пасты и шоколада? Художественное училище плюс курсы менеджеров и бухгалтеров. Негусто.

– Ладно, мама, я подумаю над этим...

– Нет, ты пообещай, что позвонишь ему, прямо сейчас.

– Может, мне прямо сейчас поехать к нему и отдаться? Прямо в офисе? Что ты такое говоришь? Не дави на меня так! Я – нормальный человек...

Она перешла на крик. Наверху послышались шаги, и обе женщины застыли, увидев спускающегося по лестнице в одних спортивных белых трусах красивого, загорелого Чемберлена. Маргарита Петровна, увидев мужчину, словно с обложки дорогого журнала, почувствовала себя несколько уязвленной: у дочери неплохой вкус и везение, у нее же у самой, у Маргариты Петровны, никогда в жизни не было такого роскошного мужчины. Все ее мужья были богатыми и умными импотентами.

– Что за крик, а драки нет? – улыбнулся широко Чемберлен. – Я полагаю, что это твоя мама?

– Мама, это Игорь, – покраснела Лариса. – Игорь, ты угадал, это действительно моя мама.

– Очень приятно, – кивнула головой пораженная мужской красотой Маргарита Петровна. Да уж, Кирилл отдыхает... – Ну ладно, мне пора... Я приехала, чтобы немного позаботиться о своей дочке. Привезла ей кашку... Смешно, правда? Вам сейчас только кашу есть...

– А что? Я, например, очень люблю каши. Да только мне некому ее приготовить.

Лариса вообще не знала, куда себя деть от стыда. Мама думает, что они любовники. Как же... Если бы она знала, ка-

кие обстоятельства столкнули их здесь, в этой квартире... А что, если он солгал ей и он сам самовольно влез в эту квартиру и теперь разыгрывает из себя ни в чем не повинного квартиранта, отвалившего какой-то мошеннице восемьсот долларов?! У нее от этой мысли кровь отлила от лица...

Мама ушла, поцеловав ее на прощание и не сказав больше ни слова. То место на щеке, куда она Ларису поцеловала, еще долго потом пахло ее крепкими духами...

– У тебя такая молодая мама, – сказал Чемберлен.

– Кашу будешь? – как-то вяло предложила Лара густую замазку, которую мама называла овсяной кашей.

– Буду. Я все буду. Да, кстати... Там, в шкафу, где сахарница, я положил деньги. Это на питание. Я же не альфонс какой! – И Чемберлен снова улыбнулся, так чудесно, открыто, что Лара устыдилась своих мыслей.

– Хорошо, я поняла.

После завтрака он помог ей поднять из машины багаж и снова сел за компьютер, Лара же принялась разбирать чемоданы... Квартира наполнилась звуками работающего телевизора и стиральной машины. Лара с удовольствием стирала свои вещи, развешивала их на сушилке, заодно разобрала и шкаф. Он был прав, этот Чемберлен, они совершенно не мешали друг другу. Напротив, его присутствие избавило ее от чувства полного, беспросветного одиночества. И даже звонок Кирилла не показался ей таким уж страшным...

Он просил о встрече. Прижав трубку к щеке, Лара ходила

по квартире, прибираясь, вытирая пыль, и объясняла своему бывшему мужу, что пока еще не готова встретиться с ним, хотя и думает о нем часто, что никак не может понять, как он мог причинить ей так много боли... Он просил прощения, говорил о том, что готов искупить свою вину круизом, брильянтами и вообще всем, чего только она ни пожелает. Что он хочет вернуться, что мечтает о детях... И, что самое удивительное, она поверила ему. Впервые после всего, что ей пришлось испытать. Быть может, она представила себя на его месте: увлеклась Чемберленом, а потом разочаровалась и решила вернуться к Кириллу... Вполне реальная ситуация.

– Я люблю тебя, – сказал Кирилл на прощание и поцеловал ее в трубку.

– Кирилл... Я позвоню тебе...

Она остановилась перед пустыми чемоданами и вздохнула с облегчением. Все вещи были разложены, постираны или нашли свое место в шкафах... Она могла бы позвать, конечно, Чемберлена, чтобы тот помог ей уложить чемоданы на антресоли, но решила не отвлекать его от работы. Притащила стремянку и поднялась наверх, распахнула добротные сделанные дверцы под самым потолком. Она заметила, что в левом дальнем углу стоит туго набитый черный пластиковый пакет. Ей стоило труда, зацепив пакет лыжной палкой, специально принесенной из кладовки, вытащить его наружу. Она не могла вспомнить, что в нем, но в любом случае он занимал там место, отведенное под чемодан, а потому она

опустила его вниз и затолкала на полку чемоданы, затем отнесла стремянку в кладовую.

Вернувшись в переднюю, она вытряхнула содержимое пакета на пол и была удивлена, когда оттуда выпали туго свернутая простыня, дамская сумка с косметичкой и... рванными колготками. От прилипшей ко дну пакета картонки исходил запах ванили и, как ей показалось, вина. Лара сходила в ванную и вернулась оттуда в оранжевых резиновых перчатках, достала картонку, которая оказалась смятой коробкой, где она обнаружила месиво из крема, бисквита и раздавленного черного винограда...

10

Мыльников сидел за своим столом, обхватив голову руками, и думал о том, как хрупка человеческая жизнь, как ничтожна она перед теми, кто дал себе право переступить черту, отделяющую нормального человека от зверя. Как можно убивать людей в принципе и молодых женщин в частности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.